

После злопамятного разговора с профессором Флитвиком Гарри несколько дней чувствовал себя не в своей тарелке. Связана ли эта надпись о Тайной комнате с предупреждением эльфа Добби? Состояние протрации из-за подозрений в его сторону сменялось смешанным чувством ужаса и неверия, что существует Тайная комната и колдун, который не остановится перед убийством магглорожденных волшебников ради каких-то затхлых идей Салазара Слизерина, так и каким-то чувством удовлетворения, что именно его, Гарри Поттера, считают не просто известным именем, которое больше ничего из себя не представляет. Нет, его считают сильным, хоть и тёмным магом, который способен открыть совершенно секретную комнату, которую за сотни лет не мог найти никто, ни один профессор! Необъяснимо, но факт — это приковывало к нему внимание и даже прибавляло почтения среди некоторых слизеринцев, хотя многих из них он даже не знал как зовут! Но с другой стороны, такое нездоровое внимание к нему не внушало оптимизма, а немного тревожило его. И если со стороны других факультетов лишь немногие ученики подозревали его в чём-то и с опаской провожали взглядами в коридорах, то настороженное отношение профессоров оказывало куда большее влияние на него. Хотя часто Гарри казалось, что это всё разыгралась мнительность и преподаватели относились к нему как к обычному ученику, а не как Дурсли — словно он нечто опасное или заражённое, как будто заведённая бомба, которая может взорваться.

Тем временем Дафна, видимо, забыла о разговоре с Гарри, а тот сам не спешил поднимать эту тему, как и вопрос о противостоянии Люциуса Малфоя и Альбуса Дамблдора. Уроки Локонса внезапно перестали быть для мальчика испытанием нервов, а превратились в своеобразную отдушину, где Гарри развлекался как мог, невольно получая удовольствие от неожиданно открывшегося у него актерского таланта, да и аплодисменты аудитории, которых всегда ждал профессор после какой-либо сцены, так же грели душу мальчика. Да и то, что отношение профессора к Гарри не изменилось после происшествия с кошкой, и на очередном уроке Защиты от Тёмных искусств мальчик играл оборотня, показывало, что не все считают его тёмным магом.

Мнение остальных студентов мальчика перестало интересовать, так как ни с кем из них он не общался, кроме дежурных фраз на уроках. А вот мнением своего факультета он дорожил. Ещё большую радость вызвала у Гарри новость, что скоро открытие сезона квиддича. Первый матч — Слизерин против Гриффиндора! И всю неделю до матча в гостиной только об этом говорили, к вящему удовольствию Гарри, задвинув в угол тему про несчастную кошку Филча. Больше всех, разумеется, ораторствовал Павлин, как окрестил Гарри теперь Малфоя из-за его самолюбования, то упоминая какие-то свои достижения, то рассказывая, как он будет громить ненавистных львов. Причём, с его слов выходило, что это красно-золотым ещё повезло, что его выбрали на роль ловца. Будь он охотником, то результат будущего матча был трехзначным, разумеется, в пользу Слизерина, а вратарь Гриффиндора — Вуд — прописался бы в больничном крыле, как минимум на месяц.

И когда в субботу утром Гарри шёл в Большой Зал в компании восторженного и немного нервничающего Малфоя, то никак не мог понять, чего он сам ждёт от предстоящего матча. С одной стороны, ему очень хотелось увидеть победу своего факультета. Учитывая, что он видел на тренировках, то именно у слизеринцев были самые лучшие метлы среди всех команд, и это решающий фактор. Да и вечеринка после матча всегда приятна и дружелюбна. Но с другой стороны Малфой с помощью своих метел лишил его шанса попасть в команду. Подобная несправедливость очень злила и обижала мальчика. Вот бы Павлин позорно выступил, а все поняли, что именно Гарри мог бы привести их к победе. Или вдруг Малфой получит травму, а Гарри выйдет и поймает снитч! В какой-то момент, уже идя за радостно гомонящей толпой в компании что-то живо обсуждающих рослых студентов в зелёных мантиях на стадион, он даже пожалел, что не взял на трибуны свою метлу. Хотя, наверное, смотрелся бы он очень глупо.

Усевшись между Ноттом, который неожиданно выбрал место рядом с ним, и Крэббом, Гарри с удивлением заметил, что Фарли со своей компанией занимает ряд сидений выше, прямо над ними, мимоходом попросив подвинуться четвёртый курс. Обычно они садились куда выше, где вид и обзор лучше на происходящее в воздухе.

Тем временем начали выходить команды. Первыми, как всегда, вышли слизеринцы и Гарри усмехнулся — второкурсник Малфой смотрелся на фоне других куда более рослых игроков словно гном среди людей. Их сектор трибун радостно закричал, приветствуя свою команду. Почти сразу же показались гриффиндорцы и болельщики команды Слизерин тут же встретили противника свистом и улюлюканьем. Зато другие зрители встретили гриффиндорцев восторженными криками, Гарри с негодованием отметил, что за львов болел не только Гриффиндор, но и Когтевран с Пуффендуюем. Тем временем Флинт и Вуд пожали друг другу руки и вскоре, подгоняемые ревом толпы, обе команды взмыли в воздух.

Погода ещё больше испортилась, и начал немного накрапывать дождь. За прошедший час с лишним от начала матча Гарри окончательно убедился в справедливости своего вывода, которой он сделал ещё во время наблюдений за тренировкой команд. Слизеринцы, пользуясь подавляющим преимуществом в скорости и маневренности своих новых метел, очень быстро завоевали превосходство в воздухе, буквально оставляя не у дел команду львов. Гриффиндорцы не были готовы к тому, что почти все передачи их охотников перехватывались в середине поля, а также не были в состоянии отобрать квоффл у охотников в зелёной форме или хотя бы догнать их. И лишь мастерство вратаря Вуда хоть как-то сдерживало команду Слизерин. Что мало отражалось на разгромном счёте 90—10. Не слушая ликующие вопли Нотта и Крэбба, которые оказались завязаны болельщиками и, главное, — чересчур громкими, Гарри с удивлением заметил, что львы начали понемногу принаравливаясь к более быстрым противникам. Охотницы Кэти, Анджелина и Алисия, чьи имена, как какую-то мантру выкрикивал комментатор, перешли на короткие пасы друг другу, уже не рискуя посылать квоффл через половину поля, и не позволяя его так легко перехватывать. Так же и перестроили свою игру близнецы Уизли и всё чаще и чаще вратарю Слизерина Блетчли приходилось вступать в игру. А Малфой так и не мог поймать снитч, который Гарри уже видел два раза на поле. В тот момент, когда Гриффиндорцы смогли ещё раз забить квоффл, снитч появился в третий раз. К сожалению Гарри именно Малфой заметил его первым и рванул к нему через всё поле. Один из Уизли отправил вдогонку бланджер, но слизеринец сумел уклониться. Ловец Гриффиндора катастрофически не успевал — Малфой опережал его на метров двадцать, и разрыв всё увеличивался. Лишь юркость снитча не позволяла Малфою закончить матч прямо сейчас. Трибуны оглушительно ревели. Гарри, да и все остальные, вскочили на ноги. Гарри невольно, про себя, начал ругать Малфоя. Почему тот медлит?! Ну же! Давай, поймай его! Да!

Ловец Слизерина наконец-то схватил снитч и, пролетев по инерции еще метров тридцать, развернулся и гордо начал делать круг почёта по стадиону, трясая рукой с маленьким золотым мячом и что-то крича. Однако завершить круг ему не позволила своя же команда, окружив того и начав радостно обниматься и похлопывать друг друга по спинам. На трибунах творилось тоже самое. Нотт, на радостях начал обниматься с Гарри и Крэббом, а потом потащил всех их вниз на поле. Дальнейшее помнилось Гарри весьма сумбурно. Они сначала всей толпой поздравили команду, потом так же громко и весело топали со стадиона в гостиную. Малфой раз двадцать успел рассказать обо всём, что происходило на стадионе, дополнительно приукрашая и приукрашая свою роль, словно они не видели весь матч своими глазами. Но и это не могло испортить Гарри настроение. Кто-то принёс сладости и другие вкусняшки, поэтому началась весёлая вечеринка. Слизеринец отправился спать уже поздно ночью.

На следующее утро, рано позавтракав, Гарри пошёл в библиотеку, чтобы доделать домашнее задание по трансфигурации, так как нового пересказа Малфоя его же подвигов, он точно бы не выдержал. К удивлению мальчика через полчаса к нему присоединилась Дафна. Наверное, всё же решила разузнать, что ему известно про Тайную комнату, мелькнула у него мысль и, отложив в сторону наполовину исписанный лист, Гарри вежливо поздоровался. Дафна, испытывающее устремив на него свои голубые глаза и понизив тон, спросила:

— Ты уже в курсе про того гриффиндорца?

Гарри недоуменно на неё уставился, невольно забыв о предстоящем разговоре о Тайной комнате.

— Что, неужели не слышал? Нет? — Дафна, наморщив лоб при виде того, как Гарри отрицательно качает головой, начала нервно двигать руками, словно сама не зная куда их деть, — Коппер, с шестого курса Гриффиндора... Новое нападение... Он магглорожденный... Вот...

Гарри застыл, как громом поражённый. Новое нападение? Теперь убили гриффиндорца, студента?

— Так ты не знал об этом? — с ощутимым напряжением спросила девочка.

— Нет, я рано встал и отправился на завтрак, поэтому никого не видел и не в курсе новостей.

— Хм, ну да... — протянула задумчиво слизеринка, — ну да...

— Так что с этим Коппером? — с трудом скрывая испуг, спросил Гарри. — Он... он мёртв?

— Что? — удивленно повысив голос, переспросила девочка. — Нет, вовсе нет. Он окаменел, как и кошка... Сейчас в больничном крыле.

Они посидели в гнетущем молчании, задумавшись каждый о своём. Дафна первая нарушила тишину.

— Гарри, я давно хотела спросить... И ответить, пожалуйста, честно. Что ты знаешь про Тайную комнату? Можешь мне рассказать?

Гарри похвалил себя, что не зря готовился к этому разговору и пересказал кратко информацию полученную от профессора Флитвика. По задумчивому лицу девочки было непонятно, знала ли она об этом или нет. После того, как он закончил свой рассказ, снова воцарилось долгое молчание.

— Так что теперь будет, как думаешь? — не выдержал Гарри.

— Ну... Очевидно, что такое сложно будет замять. Ты же видел сам, как разгорелась конфронтация между мистером Малфоем и профессором Дамблдором. Мистер Малфой небезосновательно продвигает идею, что в Хогвартсе не очень безопасно, раз погибла ученица. И... он стремится изо всех сил сместить с поста директора профессора Дамблдора, выбить у него один из столпов власти. Как ты сам видишь, Дамблдор давно ухватил себе чересчур

жирный кусок. И это, Гарри, никому не нравится. Сам посуди: глава Визенгамота — Дамблдор, глава Международной конференции магов — Дамблдор, глава Хогвартса тоже — он! И у многих возникает вопрос: «Не слишком ли много у него власти?» И мистер Малфой, наверное, считает, что нужно у него отнять хотя бы одну должность. Но... — тут девочка заговорила ещё тише и Гарри пришлось наклониться к ней. — На Слизерине принято ругать Дамблдора, но как ты можешь быть уверен, что кто-то из слизеринцев не докладывает про это руководству школы? Как ты можешь быть уверен, что твой собеседник искренен? Ты же знаешь, Гарри, искренний слизеринец — это редкость.

— Ты думаешь, что кто-то может так поступить? — ошеломленно спросил Гарри. Ему не очень нравилось, когда плохо отзывались о Дамблдоре, так как при личной беседе на первом курсе у него сложилось сугубо положительное впечатление о нём, но чтобы кто-то ябедничал со Слизерина самому Дамблдору?.. Со Слизерина?!

— Разумеется, я не могу утверждать это со всей категоричностью, но зато могу отметить, что переходить Дамблдору дорогу — это крайне глупо, — рассудительно сказала Дафна. — И обыски в поместье Малфоев служит ярким тому примером, ведь так? Поэтому я и прошу тебя: не поднимай эту тему при всех, как ты чуть не поступил в прошлый раз. Это может дорого стоить, особенно, если у тебя нет поддержки. Ну ты сам это понимаешь, тем более должен понимать, что нельзя просто так ввязываться в такие вещи, если не видишь каков будет конечный результат, — эмоционально и немного сумбурно сказала слизеринка. Глаза её блестели. — Мне не нужны проблемы, Гарри. Ведь даже... Даже наш профессор Снейп! Он, кажется, будто в стороне от всего этого, что он не в команде Дамблдора, а по своему нейтрален, вернее — свой человек, который всегда заступится за нас. Но отец рассказывал, что именно профессор Дамблдор спас его от Азкабана, когда Тот-Кого-Нельзя-Называть пал. Поэтому, стоит ли доверять тому, кто так обязан Дамблдору?

Дафна замолчала, погрузившись в свои мысли. Информация про Снейпа поразила Гарри. А ещё он виновато подумал, что его подруге не понравилось то, что он начал обсуждать вражду Дамблдора и Малфоя с ней в гостиной при всех, а ещё и чуть не проговорился про её жирный намёк, что в этих обысках дома Малфоя может быть как-то замешан Дамблдор. Дафна, тем временем встреपнувшись, чем прервала самобичевание Гарри и продолжила разговор.

— И ещё один момент. Я узнала по своим источникам, что кошка не мертва, как многие думают. Но, несмотря на это, её так и не вылечили. С одной стороны она жива, но, с другой стороны, она попала под такие мощные чары, что ни один профессор, ни сам Дамблдор не могут её оживить. Если бы она была мертва, то понятно, что её мог задушить любой... Или проклясть эту противную кляксу Филча. Тут большого умения в чарах не нужно. А если бы она была бы заколдована, то такие сильные маги, как Дамблдор, легко бы её расколдовали. Ты ведь понимаешь, что это значит, Гарри? Раз её не могут расколдовать, то тут замешана по настоящему сильная, тёмная магия. А это значит, учитывая недавнее нападение на гриффиндорца, что колдун, способный на это, владеет чарами, которые неподвластны нашим профессорам, а Тайная комната действительно открыта.